

Ольга Трушкова

СОВЕСТЬ МОЕЙ ГЛУБИНКИ

Сборник рассказов

Ольга Трушкова
Совесь моей глубинки.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961183

ISBN 9785447426989

Аннотация

В каждой деревеньке сыщется такая баба Маня. Неугомонная, прямолинейная, честная, открытая, она на всё имеет свою точку зрения, а её житейская философия гораздо понятнее мудрствований политиков. Совесь сельской глубинки – иначе не скажешь об этой женщине. Для неё не существует чиновничьих авторитетов, и только перед умом и порядочностью человека баба Маня преклоняет колени.

Содержание

Предисловие	5
Гоголь всегда живой, или Эх, дороги...	7
Баба Маня и реклама	12
Баба Маня, Пушкин и политика	21
Баба Маня, соседи и Яблочный Спас	28
Баба Маня и социальная несправедливость	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Совесть моей глубинки
Сборник рассказов
Ольга Трушкова

© Ольга Трушкова, 2017

ISBN 978-5-4474-2698-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

У нас ведь гласность? Свобода слова? Или на сей предмет сведения бабы Мани уже устарели? Выходит, да. Получается, что несмотря на гласность и всё такое прочее, не мямлить, а открыто называть вещи своими именами можно только известному телеведущему, простой же бабе Мане это делать, мягко говоря, не рекомендуется. А уж упоминать все фамилии высоких чинов, так это ей и вовсе ни-ни!

Тут умные люди присоветовали простой женщине из забытой властью глубинки предупредить читателя, что, мол, всякое сходство с реальными событиями является случайным, а имена «героев» баба Маня так и вообще сама выдумала. Замаскироваться, так сказать. Ладно, она согласна. Она напишет, что

ВСЕ ИМЕНА ВЫМЫШЛЕННЫ, а ОПИСАННЫЕ СО-

БЫТИЯ СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНО СОВПАЛИ С РЕАЛЬНЫМИ.

Но тешится баба Маня надеждой, что вдумчивый читатель всё поймёт правильно.

Гоголь всегда живой, или Эх, дороги...

Так выглядят дороги в сельской глубинке на следующий день после капитального ремонта...

В России две беды: дороги и те, кто их ремонтирует.

Ремонтировали дорогу на сельской улице весьма своеобразно. Хотя нет, ремонтировали так же, как и всё ремонтируют. Вполне современно. По новым технологиям, которые «нано-Чубайс» называются.

Нарыли за селом глины, высыпали на дорогу, потом всю дорогу вздыбили грейдером. Управились за один рабочий день. Ремонтной бригаде, сельской администрации и районному мэру – хорошо. Еще бы плохо им было: при минимуме затрат – максимум наживы! По документам-то вместо бесплатной глины шел дорогой щебень, и вывозить его надо было аж за восемьдесят километров от села!

Им – хорошо, нам – плохо.

Вечером того же дня прошел дождик. Меленький такой, паскудненький. Машина моего соседа ночевала там, где начинался этот самый «ремонт» дороги на этой улице. Выпучила «японка» свои фары на глину – и в ступор. Ишь, капиталистка заторможенная, глины что ли не видела? Учись ездить по российским дорогам у «Беларуса», который тебя утром вытаскивал! Он хоть тоже теперь иностранец, да иностранец-то наш, советский! Правда, на свежотремонтированной дороге и «Беларус» немного оконфузился, не сразу подъем одолел. Старый потому что. Такой же, как жители данной улицы. Пенсионеры мы... вместе с этим трактором. Остатки прошлого века. Да и само название улицы звучит как-то нафталиново – Советской она называется. Вот и решила местная власть, что пришла пора нас вместе с ней, с улицей, засыпать тем, чем дорогу засыпала.

Ладно, мы никогда не были властью избалованы, она, власть, на людей и раньше-то плевала с высоты своего положения, а теперь так и вовсе, извините, в лицо харкнула. Ес-

ли и вспомнит о селе, то только когда выборы приблизятся. В общем, теперь мы для неё даже и не люди вовсе, а электорат какой-то, прости Господи. Толпа, которую легко одурачить обещаниями.

Ну, вот опять меня, дуру старую, в политику занесло! Я же о дороге хотела. Ладно, про политику, а заодно и про власть нашу безголовую да вороватую вам баба Маня расскажет, у неё это лучше получится. Я о дороге продолжу.

Едем мы как-то в райцентр с моим соседом. С тем самым, у которого «японка» шизанулась при виде отремонтированной «по-русски» дороги. Вот на ней-то, шизанутой, мы и едем. По трассе М-53. Двигаемся медленно, потому что учим иностранку эту чёртову объезжать асфальт по обочине, ездить «по-русски» её обучаем. Она ведь только в России и узнала, что асфальт, оказывается, по обочинам объезжать надобно. Ей-то, тормозной, в диковинку это, и она по привычке все на дорожные рытвины выскочить норовит.

Сосед матерится. Молча. Но я понимаю его, потому что тоже матерюсь. Тоже молча. Вслух нам нельзя – он мой бывший ученик. Сосед матерится в пророка Гоголя и дорогу, а я – в главу, в мэра и в Государственную Думу. В общем, туда же. Вслух произносим только актуальное в России от времен классика и во веки дальнейших веков крылатое высказывание о двух её бедах. Там все слова из нормативной лек-

сики – Гоголь, наверное, тоже матерился молча.

Сегодня молодежь классику как-то не очень... Но Гоголя знают все, и это меня радует. Может, все не так уж и плохо? Ведь если от поколения к поколению будут генетически передаваться две российские беды, то и они, Гоголь и его афоризм, останутся навеки живыми.

Мне стало понятно, почему дорогу на Советской улице отремонтировали таким образом, и я перестала материться. Успокоилась. Ведь чиновники благое дело делали: о классике позаботились!

Увы, Гоголь был ни при чём. На разницу между суммой, выделенной на ремонт, и суммой, на ремонт израсходованной, глава администрации купила своему сыну коттедж. Хорошо, хоть с пользой деньги потратила, а то ведь и пропить могла. С неё случилось бы! Но Бог миловал. Выходит, не такая она и дура, глава наша. Только вот почему-то не ей, а мне стыдно перед родиной иномарки соседа и перед самой «японкой». Мы-то ладно, мы ко всему нашей «великой и могучей» приучены. А вот ей-то за что судьба такая выпала?

Кстати, наша глава уверена, что автором знаменитого высказывания о дураках и дорогах является сторож частной торговой точки гастарбайтер Ашот. Его за длинный нос тоже зовут Гоголем, и живет он со мной по соседству. Авторства своего старик Ашот не отрицал, но клялся мамой, что даже и в мыслях не имел намерения оскорбить уважаемую

Полину-джян, а сказал так плохо, потому что опоздал на работу – долго не мог вытащить сапог из глины. По-русски-то он, Ашот, плохо говорит, его неправильно поняли и неверно передали почтенной главе-джян его слова. Это, наверное, другой Гоголь так нехорошо о ней сказал. Он, Ашот, слышал о таком от своей соседки, соседка часто вспоминает его, другого Гоголя.

Глава ему не верит, потому что другой Гоголь, о котором она тоже где-то слышала и, кажется, тоже от Ашотовой соседки, вроде, как умер давно. А если умер, то и оскорбить главу Полину-джян, конечно же, не мог.

Юлит гастарбайтер Ашот Гоголь! Ох, юлит!

Август, 2012.

Иркутская область.

Баба Маня и реклама

Егорыч любил смотреть рекламы, точнее, не смотреть, а их комментировать.

– Глянь, Маня, новые презервативы показывают. Через такие, говорят, ни одна зараза не проскользнёт. Баба Маня, мельком взглянув на экран, подозрительно покосилась на своего супруга.

– А тебе-то, старый хрыч, они за каким таким дьяволом надобны?

– Да я просто так, интересно же, – начал выкручиваться Егорыч.

– Интересно ему, – заворчала баба Маня. – Всё ему интересно. И как цветник Макаровна прошлым летом полола,

задом к нашему палисаднику повернувшись, его тоже заинтересовало. Полчаса, почитай, подглядывал.

– Тьфу ты! – осерчал Егорыч. – Да она же старше тебя на добрый десяток лет! И потом, ты же сама просила найти в заборе дыру, через которую Макаровнины куры к нам перебираются и твой цветник рушат!

Вообще-то, Егорыча трудно было вывести из себя, и баба Маня, поняв, что перегнула палку, умолкла. Да и ревновать-то своего деда к соседке было не только безосновательно, но и глупо. Егорыч тоже успокоился, тем более, что презервативы уже сменились Геннадием Малаховым, сидящим в позе лотоса и рекламирующим гель «Лошадиная сила».

Такой же гель, стоимостью пятьсот рублей за пластиковый флакончик, им привёз сын. Целый год старики старательно втирали это лекарство в свои ноющие суставы, но никакого облегчения не ощутили и теперь испытывали стойкую неприязнь к Малахову, который так нагло обманул и ввёл в растрату их сына, купившего сдуру сразу два флакончика.

– Я каждый день втираю этот гель в свои колени, и мой опорно-двигательный аппарат... – бодро начал бессовестный лгун, глядя своими замороженными зенками прямо им в глаза, но Егорыч его перебил:

– Втереть бы тебе, паскуднику, скипидар в промежности, твой бы аппарат задвигался с такой скоростью, что никакая иномарка догнать не сумела бы. Вот тогда про все болячки

и про гели ты бы враз позабыл, лотос засушенный!

Малахов тут же исчез – наверное, испугался, что угроза Егорыча может быть приведена в исполнение, но появились девушка и молодой человек с чашками кофе в руках. Выпив бодрящий напиток, они сначала вспорхнули над столиками в кафе, потом вылетели из самого здания и взмыли в небо.

– Передоз, – поставил диагноз Егорыч. – На тот свет курс взяли.

Баба Маня с ним согласилась: видя в рекламах, как ведут себя люди после употребления кофе, «Аква», «Кока-Колы» и прочих напитков, она стала подозревать, что без наркотиков тут не обходится. Молодые и не очень, испив этой дряни, или летать начинают, или смотрят какими-то остекленевшими глазами, а то, вообще, прилюдно срывают с себя одежду и занимаются срамными делами. (Страстные рекламные объятия полуголых пар днём да ещё при всём честном народе она считала развратом, то есть, срамным действием, и приравнивала к сексу.)

– Торопитесь на распродажу обуви! – бойко затараторил тощий паренёк в красной кепке с большим козырьком, сменивший улетевшую пару наркоманов. – Только у нас такие невероятные скидки! При покупке одной пары...

– Дед, ты когда мои сапоги починишь? – оборвав на полуфразе рассыпавшуюся в обещаниях бойкую красную кепку, обратилась к Егорычу баба Маня.

– Это те, что ты в прошлую весну на распродаже купила?

– Ну, а какие ещё? У меня их что, дюжина?

Егорыч встал с дивана, вышел в прихожую и стал внимательно рассматривать сапоги своей половины.

– Да их впору на помойку выбросить. Глянь сама, как ты на правом обулке подошву стёрла да ещё и пятку скособочила.

– Левый-то вроде ещё ничё, – попыталась защитить сапоги от неминуемой кончины баба Маня. – Дед, а чё это так-то, левый – носить можно, а правый – хоть в печь выбрось?

– Ходовая часть у тебя не в порядке, развал-схождение ни к чёрту, вот резина-то и стирается, – объяснил Егорыч.

Он до пенсии работал автомехаником и в этих делах хорошо разбирался.

– Кака резина-то? Кака резина-то? – заволновалась баба Маня. – Продавец говорил, что подошва из каучука!

– Так наш доморощенный бизнесмен Камышкин тоже говорит, что все свои колбасы, сосиски и прочее только из мяса делает, причём, из самого что ни есть свежего. А ты два года назад его фрикадельками отравилась. Забыла что ль?

Нет, это баба Маня помнит. Она тогда в местном ЧП купила их целый килограмм и взялась жарить на сковородке. Разогрела, как водится, растительное масло, положила туда несколько смёрзшихся комочков, накрыла крышкой. А когда через пять минут сняла её, то ужаснулась увиденному –

по всей сковородке расплылась однородная масса соевой каши. Выбрасывать было жаль, попробовала съесть, но в горло влезло только две-три ложки. Спустя час с небольшим открылась рвота. Хорошо, хоть не всё, что в сковородке было, в себя поместила. Хорошо, что рвота началась раньше, чем Егорыч домой с работы пришёл, а то бы и он отравился.

Через несколько дней баба Маня отнесла в местное ЧП оставшийся продукт и попросила продавца вручить этот «деликатес» хозяйке торговой точки в качестве подарка к Международному женскому дню. Ни возврата денег, ни «спасибо за подарок» не последовало. Да баба Маня иного и не ожидала – слава Богу, сама жива осталась.

А ведь мясной бизнесмен Камышкин, кстати, житель их села и друг хозяев той самой точки, тоже свою продукцию рекламирует, хапуга бессовестный. Правда, только через районную газету.

Вообще, эти рекламы – одно мошенничество. Вот взять, к примеру, компьютерную защиту Касперского. Первый раз на ноутбук бабы Мани его поставил их внук. На год. Но за два месяца до окончания контракта с этим секьюрити внука призвали на службу, и он решил продлить договор на следующий год, чтобы до его возвращения их ноутбук был в безопасности. Получается, что этот Касперский за два месяца получил оплату своего труда по двойному тарифу?

Ладно, получил и получил, пусть это будет, вроде, как пре-

мия. Зато защищать ещё лучше станет. Это так баба Маня думала.

Касперский думал по-другому и ровно за два месяца до истечения срока договора начал ежедневно напоминать о том, что скоро он перестанет защищать бабу Маню с её ноутбуком и тогда их начнут атаковать вирусы. Видать, понравилось ему премии получать!

Баба Маня сделала вид, что намёка не поняла, твёрдо решив заключить с этим наглым секьюрити новое соглашение только тогда, когда он отработает ранее полученные деньги. То есть, только через два месяца.

А в один совсем не прекрасный день в ноутбук нагло влезло какое-то рекламное ПО (опять эта чёртова реклама!), а вместе с ПО появился вирус.

Шибко подозревает баба Маня, что это сам Касперский от предупреждения о возможном заражении переходит к делу, а именно: подсовывает в её ноутбук это самое ПО, потом делает вид, что уничтожает вирусы, угрожает новым заражением и при этом каждый раз напоминает о продлении контракта. Это чтобы баба Маня уверовала в то, что без него ей никак не обойтись.

Упрямый, зараза. Но баба Маня ещё упрямее. Вот решила она не платить раньше срока – и баста! Она, может быть, вообще с ним больше никаких дел иметь не пожелает, потому что на дух не переваривает наглых людей.

Вот уже больше месяца баба Маня пользуется только ком-

пьютером, в интернет не выходит. Но каждый раз окаянный охранник напоминает ей о себе:

«Срок действия лицензии истёк. Ваши данные под угрозой!»

Даже скидку ей делает, как на той злосчастной распродаже обуви, где она сапоги на резиновом ходу купила.

«Продлите лицензию сейчас со скидкой до 25%!»

Ага! Разбежалась! Её уже научили, как со скидкой товар покупать! Она и без секьюрити проживёт!

Вон друг Егорыча без всякой защиты уже два года по интернету гуляет – и ничего. Никаких тебе вирусов. Тут главное что? Ходить только туда, где безопасно. А в злчных местах, сколько бы ты за свою безопасность ни заплатил, никакие презервативы, никакие Касперские от заразы не спасут.

– Маня, смотри, как расхваливает какую-то сыворотку Лайма Вайкуле. Две капли – и через минуту на лице ни одной морщинки.

Давай, звони быстрее! Первым позвонившим дают второй флакон в подарок.

«Издевается, зараза», подумала баба Маня, но смолчала – знала, почему Егорыч смеётся над ней.

Три года назад она наткнулась в одной из газет на рекламу чудодейственного крема, от которого молодеют сразу на два десятка лет. Был указан и номер телефона с московским кодом, по которому заказ можно сделать. Вот, на свою беду, и позвонила баба Маня туда. А чего не позвонить-то, коль звонок бесплатный? Нет, молодеть она не собиралась – ни к чему ей людей смешить, она только цену чудо-крема узнать хотела. Боже мой! Что потом было! Постоянные звонки не давали покоя ни днём, ни ночью. В Москве-то день, а у них в Сибири уже ночь. Баба Маня и увещевала их, и просила пощадить её, старую женщину – бесполезно. Трезвонят и трезвонят. То вежливо говорят, то нахально требуют заказ сделать (мол, зачем она им звонила, если молодеть не желает?)

Неужели та фирма уже всем старухам, живущим в Центральной России, на Урале и в Западной Сибири, морщины разгладила, коль до их Иркутской области добралась и внешностью бабы Мани озаботилась?

Так длилось до тех пор, пока однажды глубоко за полночь трубку не взял разъярённый Егорыч и не покрыл трёхэтажным матом их всех: фирму-торговку вместе с её чудо-кремом и бабу Маню с её любопытством. Вот после этого прекратились ночные звонки. Дневные – тоже. Кстати, стоимость «омоложения» так и осталась тайной.

Рекламируют всё и вся: лекарства, прокладки, продукты

и многое-многое другое. Оно и понятно – товар нужно продать.

Но вот что совсем ни в какие ворота не лезет, так это реклама «Вестей» с Дмитрием Киселёвым. Вести с событиями на Украине так достали, что баба Маня порой перестаёт понимать, где она живёт – там или в России? А этот ведущий с его манерностью, с вечно разведёнными ручками и растопыренными пальцами, с откровенно лживыми интонациями и наигранной честностью совсем не вызывает в ней веры в то, о чём он глубокомысленно вещает. Напротив. Она не верит ни единому его слову.

Давно поняла баба Маня: любая реклама есть обман, приманка для лохов, потому что хороший продукт в афишировании не нуждается. Однако, если вдуматься, реклама в фильмах – совсем не лишнее звено, ведь во время её можно сбежать на кухню, чтобы зажарить лук в борщ, подбить тесто на стряпню или просто налить себе чашку чая.

А Дмитрий Киселёв пусть уж простит её за столь нелестные высказывания в его адрес. Хотя за что прощать-то? За правду? Так он же сам говорит, что, мол, хватит мямлить, пора говорить правду. Вот баба Маня и режет её всем в глаза, а на лица так и вовсе взирать не собирается.

Баба Маня, Пушкин и политика

Бабу Маню именовали «менеджером» детского сада «Солнышко». Она заведовала швабрами, ведрами, тряпками, убирала помещение, вытирала пыль с мебели и носы ребятам, давала указания Нине Ивановне, Катерине и Егорычу. Нина Ивановна была заведующей, Катерина – поваром, а Егорыч – сторожем, дворником и по совместительству мужем бабы Мани, нянечки детского сада «Солнышко».

А ещё за порядочность, справедливость и прямолинейность называли бабу Маню совестью нашего села.

Характер этой энергичной женщины вполне соответствовал бы должности менеджера и в более сложных структурах, только вот управлять государством бабу Маню пока не приглашали.

Она не обижалась – не кухарка, чай, не ей сулил это кресло великий вождь революционного пролетариата.

Однако политикой интересовалась и происходящее в ней объясняла по-своему. Хотя, в общем-то, верно объясняла.

Перед очередными выборами очередных депутатов зачастили в детсад гости. Приезжали ставшие опять кандидатами вчерашние депутаты, жаловались на тяжкую долю народного избранника и просились на следующий срок. Их лица к моменту очередного пришествия баба Маня уже и подзабывать успевала. Да и сами они за эти годы становились зна-

чительно шире, щеки раздувались до невероятных размеров, и баба Маня всерьёз подозревала, что именно там находятся и закрома Родины, и её казна.

Приезжали и кандидаты, которые ещё только собирались «откормить» себя до депутатского уровня.

Кто-то являл собой представителя «левых», кто-то представлял «правых», были и от каких-то «ультра». Различий в политических течениях баба Маня не видела и во время агитации всегда почему-то вспоминала Пушкина.

Вот откуда Александр Сергеевич знал в своем девятнадцатом веке, что в их двадцать первом будет всё так же, как в его «Лукоморье»? А ведь знал, потому и призывал таких, как баба Маня, не верить краснобаям, потому что каждый из них —

Идет налево – песнь заводит,
Направо – сказки говорит.

Баба Маня хорошо понимает, что и песни «левых», и сказки «правых» – одна сплошная брехня. Да все это знают! Даже для самих «певцов» и «сказочников» не секрет, что им никто давно не верит.

Пушкин предвидел и выведение в России новой популяции – Дуба со златой цепью, поэтому и сделал его главным на Лукоморье. Нет, Дуб – это не тот политик, о котором

вы подумали. Тот политик – ученый, поэтому Дубом быть не может априори. Он просто «ходит по цепи кругом», заигрывает и с «левыми», и с «правыми». Такое заигрывание у них называется сотрудничеством с оппозицией. Боятся, значит, ученый политик и тех, и других. А чего бояться-то? Все они под одним Дубом ходят и желуди его кушают. Все они одним миром мазаны и той самой «золотой цепью» к Дубу намертво прикованы. Или, как теперь говорят, повязаны.

Русалок, и тех Александр Сергеевич узрел в нашем двадцать первом веке из своего девятнадцатого. Вон они на ветвях расселись. На каких ветвях? На ветвях власти, конечно. А где им сидеть-то ещё, если предназначены они, проказницы эти, дубам, чиновникам и политикам для разных утех – массаж, к примеру, сделать или ещё чего. Русалки все молодые, красивые и ловкие – одним словом, олимпийские чемпионки – такие трюки выделывают, что вся Россия ахает!

Кое-кто из них в Минобороны новым секретным оружием числится. Секрет-то, он секрет, а кто-то всё же прознал-таки, что оружие это секс-бомбой называется.

Некоторые же русалки, особо трюкастые, и к самой Думе пристраиваются через влиятельных покровителей.

Всё предвидел Пушкин. Даже избушку на курьих ножках, что по сей день «стоит без окон и дверей». Вот сделают чиновники этой избушке-старушке в БТИ паспорт с новым годом рождения и обменяют на сертификат ветерану Великой Отечественной, как благоустроенное жильё в элитном мик-

порайоне. Если ветеран доживет, конечно, до этого счастья. Ну, а помрёт – избушку выпускнику детдома по Государственной Программе предоставят. Не в апартаменты же Васильевой, той воровки из Минобороны, на самом деле, сесть их, старика и сироту детдомовскую?

Что? Президент обещал им достойное жильё? Мало ли чего он обещал! Он говорил и о равенстве всех граждан России перед законом! (Помните, по телевизору была длинная передача, где он на вопросы отвечал?)

Тогда почему Вальку-доярку за мешок украденного комбикорма в «обезьяннике» неделю продержали, тюремным сроком пугали, но потом за две тысячи (больше у Валькиного мужика не было) сжалились и отпустили с условным; а то «секретное оружие», которое миллиарды у Минобороны стащило, оправдывают? Какое уж тут равенство, если «украл булку – сел в тюрьму, украл железную дорогу – стал сенатором». Это Марк Твен так про наши законы сказал. Умный, однако, человек, этот Марк, хоть и американец. (Баба Маня была начитанной и знала не только сказки Пушкина.)

Верна поговорка: воровать, так миллион, спать, так... Ну, сами знаете, с кем бомба та секретная спала.

Правда, говорят, что бомба под арестом, только бабе Мане непонятно, что это за арест такой, когда к арестантке приходят подружки, слуги там разные за ней убирают, опять же любовник при ней и даже священник! Священник-то этой воровке на кой ляд, прости Господи? В грехах каяться перед

ним? Тогда что делает там любовник? Или они с бомбой исповедуются дуэтом? В одной постели?

Вальке-доярке такой арест раем бы показался после фермы-то!

Вообще-то, по закону обвиняемая не должна общаться со свидетелем, дело-то они одно делали – казну грабили.

А министр? Да его бы вообще не тронули! Только вот измена семье – это вам не измена Родине! Такого предательства тесть-патриот (патриот семьи, разумеется) не мог простить.

И примеров подобного «равенства» у нас пруд пруди.

Повели детей на прогулку, стали они играть, и Мишка Лукьянов сломал руку. Что было-то потом, вспомнить страшно! Проверка за проверкой, комиссия за комиссией! Баба Маня не успевала за всеми пол подтирать. Воспитательницу – под суд, заведующую – туда же. Хотя заведующая, вообще-то, в тот день в райцентр ездила на совещание, потом горшки для малышей на базе получала, машину искала, чтобы горшки эти привезти. Домой добралась поздним вечером. За что её под суд? Разве она виновата?

Да, говорит прокуратура, виновата, потому что отвечает за все, что происходит в её ведомстве. Закон есть закон.

Хорошо, Мишкины родители заявления писать не стали – понимают же, что их сыну никто руки-то не ломал, дети есть дети. Несчастный случай. Легко Нина Ивановна отделалась – строгий выговор да штраф в размере десяти зарплат.

В общем-то, решение суда – казне убыток, потому что зарплата-то у Нины Ивановны такая, что стыдно вслух цифру произнести.

А министр неподсуден, только свидетель. Как так? Он что, может не отвечать за то, что происходит в его ведомстве?

Или он уже не российский гражданин?

Наверное, их детсад в стратегическом плане важнее обороны государства, если на Нине Ивановне лежит ответственность, а на министре – нет. Тогда пусть ей и платят больше, чем ему, безответственному и ни за что не отвечающему.

Много вопросов задала бы баба Маня приезжающим кандидатам в депутаты и даже самому Президенту, да толку-то? Опять все врать будут – насобачились в этом деле.

В общем, не любит политиков баба Маня. Грязь от них одна – пол на два раза мыть приходится после таких кандидатов в болтуны. На второй раз – с хлоркой, для дезинфекции, чтобы враньё и вороватость не распространялись. Детский сад-таки.

Правда, после выборов хорошо – никто из них сюда даже глаз не кажет. Забывают и про «песни» свои, и про «сказки».

Многое предвидел Пушкин, на то он и Пророк.
Но малость ошибся, когда писал:

Там русский дух, там Русью пахнет.

Нет, Александр Сергеевич, Русью на Руси давно уже не пахнет...

Баба Маня, соседи и Яблочный Спас

Чтобы землянка урожаем одарила, ей всё лето кланяться надобно...

Баба Маня подкопала картофельный куст и начала выбирать клубни, кряхтя от ноющей боли в спине и в ногах. Вот прямо выкручивает все суставы, а впереди – уборочная пора. Ох, как некстати она, боль эта окаянная, ох, совсем не вовремя! А собственно, когда это боль была кстати и вовремя?

«Мелковатая ещё, – сокрушалась баба Маня, складывая клубни в пластмассовое ведёрко. – Но под кустом много. Да и то сказать, дождей-то с середины июля ни капли не выпало, целый месяц, почитай, пекло землянку-то жарким солнцем. Даже Ильина неделя сухой простояла. Но, даст Бог, к началу

уборки нальётся картошечка. Дождичка вот только бы, дождичка...»

Раньше у них был совхоз. Засевали поля, выращивали не только зерновые, но и овощи: картофель, огурцы, капусту и прочее. Имелась и ферма. В общем, люди без работы не сидели. Пусть заработки были не ахти какие, но кто работал, тот не бедствовал – умели ведь люди как-то и малым довольствоваться. Все держали своё подсобное хозяйство, за роскошью не гнались, семьи свои обеспечивали, воспитывали детей в уважении к труду и в почитании старших. Жили без зависти нонешней, без злобы этой непонятной, без отчуждения. И хоть всякое случалось, но всё равно дружно жили.

А потом в одночасье привычная жизнь полетела в тартарары. Перестройка. Приватизация. Раздел и передел собственности.

Конечно, в их селе это проходило не так, как в том бандитском Петербурге или в криминальном мире Москвы. Авторитетов, слава Богу, у них не было. Быков – тоже, кроме того производителя, что на ферме стоял, цепью к столбу намертво прикованный.

Братки, правда, имелись. Целых два. Причём, родные. Директор совхоза и главный инженер. Так они вообще никаким

авторитетом никогда ни у кого и не пользовались.

Вот эти-то братки на своей семейной сходке часть сельхозтехники между собой мирно разделили, приватизировали, а из остатков начали создавать сельскохозяйственные общества и называть их тремя буквами: сначала какое-то ООО, затем – ЗАО или как-то по-другому. Но как ни меняли одну букву на другую, всё равно получалось чёрт знает что, прости Господи!

Потом приехал ушлый пройдоха из соседнего района, забил браткам стрелку, купил у них эти три буквы и заменил на три свои: СПК. Теперь бывшие совхозники стали рабочими сельскохозяйственного кооператива. Если разобраться, то разницы между совхозом, ООО и СПК нет никакой. Работа-то прежней осталась: посевная, уборочная, ферма с коровами и навозом. Только вот не хотят люди работать. Не хотят – и баста!

А потому не хотят, что за свой нелёгкий труд получают хлебоборобы то, что в народе тоже тремя буквами называется. Это, во-первых.

Во-вторых, баба Маня считает, что отбили у людей желание трудиться на полях и на фермах. Зачем им вкалывать, если они на биржу встанут и по придуманной безработице будут денежку получать в большем количестве, нежели им тот ушлый пройдоха заплатит за работу на ферме?

Ну, а от работы на своих подворьях люди уже сами отби-

лись...

Конечно, есть ещё семьи, где домочадцы трудятся не покладая рук и в СПК за жалкие гроши, и дома. Только их по пальцам одной руки пересчитать можно.

Молодежь же в основной своей массе вообще работать не хочет – если кто в поля и выходит, так только за коноплей. Огороды при частных подворьях бурьяном зарастают, хозяйство тоже держать нет выгоды. Куда продукцию-то сбывать? Да и по какой цене? Если посчитать, в какую копеечку влетит хозяину корм для кабанчика, получится, что не оправдает себя он, кабанчик тот. Корм-то нынче здорово кусается!

Для себя-то, конечно, худо-бедно, а можно вырастить, для себя-то и баба Маня с дедом одного поросёнка держат. Где картошкой накормят, где – травой. Не колбасой же им с дедом питаться, они не вегетарианцы, чтоб сою вместо мяса есть. Да и не по карману им она, колбаса эта соевая.

Перестала деревня быть кормилицей, не нужна она правителям нашим, ежели они её в очередной раз раскрестьянили, а мужика к потребительству толкнули своими подачками вроде «биржевых», детских пособий да разных субсидий.

Вы дайте ему, мужику-то этому, возможность самому нормально заработать, тогда, глядишь, и воскреснет она, деревня-матушка, кормилица наша, не то и дальше будут плодиться лень с гульбой да нищета с неустроенностью, а «великий русский народ» (не власть, конечно, а именно народ) будет продолжать травиться тем, что за граница на Русь-помой-

ку выбрасывает, благо забор-то наш пограничный совсем завалился, если всякие наркоторговцы с гастарбайтерами туда-сюда шлѐндают.

Власть баба Маня не любила, считала её вороватой и бессовестной, но поскольку была человеком справедливым, то, конечно же, не могла во всѐм том безобразии, что сегодня в селе творится, обвинять одну только её, власть эту непутѐвую. Каждый должен отвечать за свой забор и за свою помойку: власть – за государственное, люди – за своё. Президент не приедет наводить порядок на их улице.

Да и при чём тут Президент, если у её соседей, которые слева, часть забора держится только на растущих под окнами дома кустах черѐмухи, а там, где этих кустов нет, завалился окончательно? А ведь сосед-то не старик, наоборот, молодой совсем и нигде не работающий. Её дед (это баба Маня своего Егорыча так кличет) подобного безобразия вовек бы не допустил.

Или помойки взять. Разве это Президент виноват, что возле дома Лукашиных бутылки пивные да обрывки пакетов разных с пачками сигаретными горой возвышаются? Он что ли швырял всё это из своего Кремля прямо к их калитке?

Баба Маня мусор на люди не выносит, его она в печке сжигает: зимой – в доме, летом – в бане. А то, что не горит (консервные банки или стекло какое-нибудь) складывает в мешки, чтобы потом вывезти за село, на законную свалку.

Но Лукашины-то хоть через забор перекидывает. А вот наискосок от них живёт семейка из четырёх человек, так те помойку соорудили аккурат возле крыльца, с него и бросают яичную скорлупу, банки, бутылки, окурки, использованные, простите, тряпки – прокладки и прочую гадость. Батюшки, срам-то какой! А смрад? И ничего, живут!

Никто из той семейки, что живёт с помойкой в ограде, нигде не работает, живут на пенсию, государством дарованную их дитю, по уму инвалиду. Второе дитё, которое старшее, хоть и не инвалид, но тоже не шибко умное. Хотя, наверное, ошибается баба Маня, может, старшее-то, наоборот, очень умное, если нигде не работает и, дожив до тридцати лет, Трудовой книжки в руках не держало. А замуж выходит регулярно – дважды в год. Наши-то местные тунеядцы почти все у её родителей в зятях побывали, теперь вот из соседних районов потянулись. Только надолго не задерживаются. А кому лентяйка-то да неумеха нужна?

Баба Маня подкопала второй куст, «слезла с помоек» и повернула мысли на огородную тему.

Соседи, которые слева, тоже огород имеют. Картошку и прочую мелочь сажать-то они сажают, да вот только после посевной дают осоту, молочаю и иной сорной траве полную волюшку вольную. А по осени сокрушаются, что овощ опять не уродил. Да где ж ему, бедному, травой задавленному, сил-то взять для роста нужного?

Но это баба Маня так считает, а у соседей другое объяснение: сглаз, навели на их урожай порчу злые завистники.

Молодые, а такую чушь мелют, в которую сегодня не всякая старуха поверит!

Чему там завидовать, коль из всех щелей их дома вопит нищета голимая. «Порча»... Лень всему виной!

Баба Маня, почитай, всё лето с огорода не вылезает: тяпкой рыхлит, руками траву выбирает, вокруг каждого кустика натанцуется, пока окучит. И потом ещё через день да каждый день между рядами рыщет – новые всходы сорняков отыскивает.

Зато когда копают они с дедом картошку, душа радуется. Травы нет, а плоды один к одному: крупные, ровные. Уберут ботву – огород чистенький, к следующей пахоте готовый.

У соседей же не понять, выкопали они картошку или ещё

нет? Бурьян как стоял стеной, так и стоит. Хотя если приглядеться, то можно определить, что они уже тоже с работой покончили – на бурьяне картофельная ботва висит.

А весной тракторист после каждой борозды трактор оставил, матерится и плуг очищает от травы прошлогодней, с ботвой перемешанной.

Баба Маня вздохнула, подкопала третий куст, потёрла рукой ноющую поясницу, оперлась на черенок лопаты и бросила взгляд в сторону огорода соседей справа.

А вот эта молодая семья её радует. Подворье, дом, скотный двор, огород – всё ухожено, всё в идеальном порядке. Сергей и Лариса в СПК трудятся, хозяйство держат: коровку, поросят, куриц. Кроме основной работы, они ещё и водокачку на себя взяли. Зарплата там такая, что без слёз не вы-

говоришь, а забот да хлопот – не счесть. Зимой топить надо, чтоб не разморозить, а прежде чем протопить, необходимо топливо у администрации выбить, привезти и перетаскать его в здание – иначе разворуют. После метелей, а они стали в последние зимы очень частыми гостями, нужно ещё и снег возле водокачки разгрести.

Всё это – с утра, до основной работы.

Ни разу водокачка из строя не вышла, всегда там чистота и порядок.

Дома тоже не Емелина щука за Сергея с Ларисой дела справляет. При хозяйстве-то таком одной воды сколько наносить надобно.

Двое деток у них, в садик ходят, где баба Маня работает. Ребятишки умненькие, воспитанные, всегда чистенькие, веселенькие. Сами Сергей с Ларисой приветливые, уважительные, отзывчивые, дай им Бог здоровья. Дружно живут, хорошо, по-людски.

Вот таким семьям должно государство помогать, а не тунеядцам да пьяницам многодетным!

Баба Маня встряхнула ведро, решила, что на ужин им с дедом хватит, и, с трудом распрямив спину, поспешила к дому. Сегодня ей необходимо ещё лук выдернуть, в косы его сплести, как делали её бабушка и мама, царствие им

небесное, да под навес развешать для просушки.

Девятнадцатое число. Яблочный Спас – луковая пора. Каждому овощу – своё время...

А ведь не зря боль суставы бабе Мане выкручивала – пошёл-таки ночью дождичек. Налётся ещё картошечка, налётся...

Баба Маня и социальная несправедливость

Последний день лета стоял на диво жарким, солнечным. Вечер тоже был тёплым и тихим. А ближе к полуночи поднялся ураганный ветер и на деревню обрушился шквал холодного ливня.

– Ну, вот и выкопала картошку, – расстроилась баба Маня. – Всего-то ничего осталось. За два-три дня без особой натуги управились бы, если бы погода постояла. Теперь же...

Она плотнее укуталась одеялом и постаралась заснуть. Но мысли, тесня одна другую, уже зароились в её голове.

В пятницу они с дедом съездили в райцентр на рынок, и баба Маня никак не может оправиться от шока. Батюшки святы! Ведёрко картошки – двести пятьдесят рублей, литровая банка сметаны – двести сорок! Нет, она понимает, что дешевле продавать никто не станет, потому что невозможно торговать себе в убыток, ведь многие живут только тем, что продадут со своего хозяйства. Работы нет, да и работающие получают не деньги – их символы. А детей в школу собирать на какие шиши? Одежда и обувь по-акульи кусается.

У них в селе тоже рынок есть, вещевой. Товар сюда везут и из их райцентра, и из соседних районов. Баба Маня купила своему внучатому племяннику-второкласснику туфли к новому учебному году, почти тысячу рублей отдала. Так разве ребятёнку одни только туфли нужны? А если в семье трое – четверо детей?

Цены растут, а зарплаты и пенсии на одном месте топчутся. Но это у простых людей, конечно. У депутатов и разных там чиновников, которые государственные оклады в миллионах получают да ещё и наворуют столько же, зарплаты-то растут.

В этом году дед в придачу к районной газете выписал ещё одну, «АиФ» называется, так теперь у бабы Мани каждый четверг (газету почтальонша по этим дням приносит) – стресс. То она про ворюг из Минобороны прочитает, то про губернатора из соседней области, который вдруг паханом преступным оказался. Хотя паханом-то он был всегда, а губернатором его московские авторитеты назначили. Теперь вот или они не поделили чего-то, или пахан покруче на это место нашёлся.

В их Иркутской области тоже такое было три губернатора назад. Того, который Иркутский, даже в розыск объявили за нецелевое расходование шестидесяти двух миллионов (нецелевым расходованием у них теперь воровство называется). А чего его искать-то было, если он в это время уже сидел. Нет, не в тюрьме. В Совете Федерации. А сейчас он

на Дальнем Востоке всей железной дорогой командует.

У бабы Мани бы спросили, она бы навела их на след этого ловкача и даже газетными статьями подтвердила бы правдивость своих показаний. Вообще-то, те, кто розысками подобными занимается, и сами отлично знают, где находятся лежбища крупных воров «в законе». «В законе» – это потому, что наш закон всегда на стороне воров находится и их прикрывает. «Розыск» – это название комедии, которой власть народ веселит.

А в этот четверг она узнала, что какой-то Герман – то ли Грех, то ли Грек, фамилию его баба Маня запомнила, ну, в общем, тот Герман, что в Сбербанке главным начальником работает – имеет месячную зарплату аж в 11,7 миллионов! Ничего себе! Вот, значит, куда идут проценты по кредитам! Ох, грабят народ, грабят и гробят... Последнюю шкуру сдирают.

Так вот этому Герману обещают повышение зарплаты уже в следующем году, а нищим врачам и учителям – только в две тысяча шестнадцатом.

Когда баба Маня поделилась с учительницей иностранных языков Надеждой Ивановной своими соображениями по поводу информации, полученной из последнего номера «АиФ», та вздохнула и сказала:

– Герман, если перевести с немецкого, означает «человек-господин». А Надежда, она и есть только надежда, которая после долгих чаяний чаще всего пустой оказывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.